

Кананерова Е. Н. Проблема коллективизации в Прибалтийских республиках в советской историографии 1940—1960 годов / Е. Н. Кананерова // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 256—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-256-00271

Kananerova, E. N. (2019). Problem of Collectivization in Baltic Republics in Soviet Historiography of 1940—1960. *Nauchnyi dialog*, 4: 256-271. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-256-271. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8/.9+ 631.115.6(474)“1940/1960”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-256-271

Проблема коллективизации в Прибалтийских республиках в советской историографии 1940—1960 годов

© **Кананерова Елена Николаевна (2019)**, orcid.org/0000-0002-6218-2618, SPIN-code 7828-6603, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия), ekananerova@yandex.ru.

В статье освещаются достижения советской исторической науки 1940—1960 годов в исследовании проблемы коллективизации в прибалтийских республиках. Новизна исследования заключается в том, что автором впервые выполнен обзор советской исторической литературы, посвященной коллективизации в Прибалтике, с современных научных позиций. Рассматривается советская историческая парадигма, выявляются факторы ее формирования, эрозии и кризиса в 1970—1980 годах, который приведет к воссозданию научных школ, в том числе и национальных, в 1990—2000 годах. Актуальность исследования связана, с одной стороны, с осмыслением опыта развития собственно исторической науки и пути, пройденного ею в XX веке, с другой — с необходимостью на современном этапе изучать коллективизацию в западных республиках и районах после Великой Отечественной войны в связи с нарастающими противоречиями на постсоветском пространстве, питательной средой для которых становится тенденциозное использование фактов из истории СССР. Проведенный анализ позволяет выявить достижения советской исторической науки 1940—1960 годов (выделение этапов, факторов и методов коллективизации) и слабоизученные проблемы (цель коллективизации, методы и масштаб крестьянского сопротивления, число и дальнейшая судьба раскулаченных, наличие и характер нарушений при проведении сплошной коллективизации и «раскулачивания»).

Ключевые слова: историография; научная школа; аграрная реформа; коллективизация; «раскулачивание»; кооперация; кулаки; крестьянское сопротивление.

1. Советская историческая парадигма

Советская историография коллективизации в целом является на сегодняшний день хорошо изученной проблемой, но работы о ее послевоенном этапе еще требуют осмысления [Кананерова, 2018, с. 90—99].

Советская историческая парадигма связана с господством марксистско-ленинских концепций и методологии, в соответствии с которыми осуществлялось любое историческое исследование. Окончательное отрицание разнообразных научных школ в советской исторической науке связано с выходом в 1938 году сталинского Краткого курса истории ВКП(б), определившего развитие исторической науки в 1940—1950 годах и не допускавшего никаких отступлений. В статье будут рассмотрены работы советских историков 1940—1960 годов, объединенные марксистско-ленинской методологией и общими оценками коллективизации как закономерного и прогрессивного явления, единственно возможного варианта восстановления и развития сельского хозяйства в нашей стране. Ссылка на классиков марксизма-ленинизма — неотъемлемая часть работ этого времени.

Проведенное исследование позволяет разделить развитие советской историографии коллективизации в Прибалтийских республиках на следующие этапы: 1940—1950 годы, когда рассматриваются отдельные аспекты коллективизации в Прибалтике в процессе осуществления аграрных преобразований; 1960-е, для которых характерно комплексное рассмотрение коллективизации как единого явления в крупных статьях, диссертациях. На этом этапе зарождаются критическая проблематика и оценки. В рамках советской исторической парадигмы под влиянием XX съезда и политической «оттепели» появляются критические оценки, расширяется тематика исследования. Парадоксально, что эрозия советской парадигмы начинается вокруг институтов истории местных республиканских отделений Академии наук СССР, открытых в 1918—1954 годах. Именно на сотрудников этих институтов возлагалась задача развития официальной советской истории, которая одновременно была инструментом пропаганды советской экономической модели. В связи с этим сотрудники местных институтов истории имели доступ в партийные и государственные архивы, работали с документами, содержащими информацию о различных аспектах проведения коллективизации. «Оттепель» позволила сотрудникам делать критические замечания в своих статьях, более подробно останавливаться на прежде табуированной проблематике (крестьянском сопротивлении и нарушениях со стороны властей).

Академия наук СССР сыграла также важную организационную роль в развитии аграрной историографии и затем в складывании национальных

исторических школ в прибалтийских республиках. Именно на базе академических институтов в республиках, а также на базе Института истории в Москве организовывались семинары и конференции, на которых ученые обменивались мнениями и по итогам которых публиковались сборники трудов. Традиции эти были заложены именно в 1950—1960 годах.

Впоследствии в 1970-х годах произойдет углубление критической проблематики в работах местных историков, а в 1980-е годы будут подготовлены коллективные монографии, где коллективизация в СССР будет рассматриваться как единый процесс социалистического переустройства советской деревни. Труды местных прибалтийских историков вольются в работу историков складывающейся научной школы В. П. Данилова, которая в 1990—2000 годах осуществит колоссальный прорыв в аграрной историографии, создав концепцию Крестьянской революции, охарактеризовав отношения власти и крестьянства в первой половине XX века как подлинную трагедию [Кананерова, 2010, с. 83—90]. Традиции школы В. П. Данилова продолжают в наши дни его многочисленные ученики и последователи.

В рамках статьи мы рассмотрим развитие историографии коллективизации в прибалтийских республиках в 1940—1960 годы. Ее развитие в 1970—1980 годы, то есть в период кризиса и разложения советской исторической парадигмы, станет предметом отдельного исследования.

В основу советских исследований положены материалы местных республиканских архивов: ПА ИИП при ЦК КП Латвии, Литвы, Эстонии, ЦГАОР ЭССР, ЦГА Литовской ССР, АМСХ Литовской ССР; а также материалы ЦГАНХ СССР, то есть официальные документы, исходившие от партии и правительства.

2. Советская историография коллективизации в Прибалтике 1940—1950 годы

В процессе проведения аграрных преобразований 1940—1941 годов в прибалтийских республиках начинается изучение их опыта. И. Трайнин, анализируя первые мероприятия, конституции прибалтийских советских республик, кратко характеризует и аграрные преобразования [Трайнин, 1940, с. 65]. Я. Крастынь в своей статье впервые рассматривает основные положения земельной реформы в Прибалтике в целом [Крастынь, 1941].

Систематическое изучение опыта аграрных реформ в прибалтийских республиках начинается после Великой Отечественной войны (далее — ВОВ). В трудах Ю. Палецкиса, В. Ю. Нюнка, В. Н. Яковцевского, посвященных аграрной реформе 1940—1941 годов, собран обширный фактический

местный материал, рассматриваются вопросы аграрной реформы, но не затрагиваются ее предпосылки, в частности, не охарактеризован аграрный строй буржуазного периода 1930-х годов [Палецкис, 1949; Нюнка и др., 1955]

В трудах советских исследователей с середины 1950-х годов проблема коллективизации в прибалтийских республиках рассматривается комплексно в малых монографических формах. В статье М. А. Грегораускаса выделяются этапы коллективизации: аграрные преобразования 1940—1941 годов, период подготовки условий в 1944—1948 годах и период борьбы за победу колхозного строя 1949—1950 годов [Грегораускас, 1956, с. 73].

М. А. Грегораускас определяет цель реформы 1940—1941 годов как «ликвидацию буржуазного землевладения и коренное преобразование земельных отношений» на основе марксистско-ленинской теории. В статье В. Г. Матина цель коллективизации определяется как приведение в соответствие мелкотоварного сельского хозяйства с крупным промышленным производством [Матин, 1956, с. 98]. В Истории Латвийской ССР где аграрные отношения рассматриваются как один из аспектов развития народного хозяйства, целью коллективизации называют процесс естественного преодоления сосуществования различных укладов в экономике, начало которому было положено экономическими реформами после вхождения прибалтийских республик в СССР в 1940 году. Авторы первого фундаментального труда по истории прибалтийских республик утверждают, что «экономика Латвийской ССР в послевоенные годы не являлась ни капиталистической, ни социалистической, она была переходной...», при этом отмечая, что социалистические производственные отношения не соответствовали производительным силам мелкотоварного крестьянского хозяйства [История Латвийской ССР, 1955, с. 535—536].

Все советские авторы данного периода подчеркивают особую роль государства и партии в проведении аграрных преобразований и коллективизации [История Латвийской ССР, 1955, с. 537; Деглав, 1956, с. 27; Грегораускас, 1956, с. 74, 77; Матин, 1956, с. 98]. В «Истории Латвийской ССР» отмечается, что после ВОВ в Латвийской ССР «почти не было партийных организаций», поэтому численность коммунистов постоянно наращивалась. В качестве методов работы выделяются пропаганда и агитация, в которых важную роль играло возвращение эвакуированных в годы ВОВ, ознакомившихся с преимуществами колхозного строя и выступивших помощниками партии и правительства [История Латвийской ССР, 1955, с. 544—545]. «Если на 1 января 1945 г. в латвийской деревне работало только около 100 коммунистов, то на 1 января 1949 г. количество ихросло до 5 тыс., а к концу 1950 г. — до 16 тыс. человек» [Там же, с. 550].

М. А. Грегораускас, Ф. Ю. Деглав, В. Г. Матин выделяют в качестве предпосылок социалистического преобразования сельского хозяйства индустриализацию, механизацию сельского хозяйства, кооперацию, национализацию земли, аграрную реформу, массово-политическую работу среди крестьян. В «Истории Латвийской ССР» среди предпосылок коллективизации, названы помимо перечисленных «политика ограничения и вытеснения кулачества, правильная налоговая политика» [Там же, с. 547].

М. А. Грегораускас уделяет особое внимание льготному налогообложению для бедняков и кредитованию бедняцких и середняцких хозяйств. С 1948 года «надбавка к облагаемому доходу кулацких хозяйств была увеличена и составляла от 50 до 100 % облагаемого дохода» [Грегораускас, 1956, с. 75,84—85]. Выводы В. Г. Матина относительно льготного налогообложения в Эстонской ССР аналогичны [Матин, 1956, с. 97].

В статье М. А. Грегораускаса отмечается, что к концу 1948 года 14,2 % всех крестьянских хозяйств Литовской ССР входило в кооперативные объединения [Грегораускас, 1956, с. 86]. В. Г. Матин, рассматривая проблему кооперации в Эстонской ССР, отмечает, что «... кооперация стала массовой организацией в эстонской деревне, охватывая около 70 % всех крестьянских хозяйств» и сыграла и важную роль в подготовке индивидуалистически настроенного крестьянства к коллективизации [Матин, 1956, с. 100]. В «Истории Латвийской ССР» кооперацию называют «близким и понятным» способом самоорганизации, который использовался для перехода к колхозам и агитации за них. «В 1947 г. 70 % крестьянских хозяйств было охвачено кооперацией» [История Латвийской ССР, 1955, с. 533, 543].

Советские исследователи 1950-х годов отмечают, что важнейшим инструментом аграрных преобразований советской власти до начала сплошной коллективизации было воссоздание и развитие машинно-тракторных станций (далее — МТС). Ю. Ф. Деглав отмечает, что за годы четвертой пятилетки (1946—1950) мощность тракторного парка в Латвийской ССР выросла в 4 раза [Деглав, 1956, с. 27].

Наряду с другими авторами М. А. Грегораускас считает, что коллективизация в прибалтийских республиках осуществлялась на тех же принципах, что и в «старших советских республиках», однако были и свои особенности: отсутствие уравнительного распределения земли, так как «в Литве крестьянское землепользование было основано не на общинном, как в революционной России, а на подворном землевладении, основанном на принципе частной собственности» [Грегораускас, 1956, с. 75]. В «Истории Латвийской ССР» под редакцией академика Академии наук Латвийской ССР К. Я. Страздиня подчеркивается, что хутора мешали про-

ведению коллективизации из-за разрозненного землепользования и отсутствия крупных хозяйственных построек для обобщественного скота, что в совокупности с малопродуктивными почвами затрудняло колхозное строительство [История Латвийской ССР, 1955, с. 550]. Ю. Ф. Деглав придерживается сходного мнения [Деглав, 1956, с. 27].

«История Латвийской ССР» подчеркивает в качестве особенности перехода от капитализма к социализму в Латвийской ССР возможность пользоваться поддержкой советской страны, что определило отсутствие роста капиталистического сектора и «бурные темпы роста социалистического сектора» [История Латвийской ССР, 1955, с. 536, 553]. Подтверждает это в своей статье и Ф. Ю. Деглав: Латвийской ССР удалось, «опираясь на помощь всего советского народа, немедленно приступить ... к мирному хозяйственному и культурному строительству, минуя период гражданской войны и связанный с ним период “военного коммунизма” ...» [Деглав, 1956, с. 20].

Для историографии 1950-х годов традиционно мнение об усилении классовой борьбы в ходе социалистических преобразований. Важнейшей проблемой аграрной историографии является вопрос о критериях кулачества. Главный конструктор и идеолог советского государства В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» называет кулацким хозяйство, имеющее 4 и более лошади, более 25 десятин земли, так как на покрытие средних расходов семьи требуется 16—18 десятин посева [Ленин, 1971, с. 39]. Третьим критерием отнесения хозяйства к кулацкому В. И. Ленин называл использование наемного труда. Вопреки тезисам вождя революции советские историки 1950-х годов записывают в кулаки и тех, чей надел лишь незначительно превышает 20 га, и тех, кто имеет менее 4 лошадей. Статистика об использовании наемного труда в работах 1950-х годов не приводится. Таким образом, заявленная цель «раскулачивания» — ограничить роль кулачества — несостоятельна, ведь в результате аграрной реформы численность, а значит, и влияние кулачества были мизерными. М. А. Грегораускас утверждает, что в Литве «в среднем на одно кулацкое хозяйство приходилось: земли 13,8 десятин, лошадей 1,1 ...» [Грегораускас, 1956, с. 90, 93].

Для работ 1950-х годов характерно поверхностное рассмотрение проблемы «раскулачивания», с выделением методов кулацкого сопротивления. Так, М. А. Грегораускас считает, что с началом сплошной коллективизации в 1949 году «ярче проявились замаскированные формы сопротивления» [Грегораускас, 1956, с. 89]. Ю. Ф. Деглав называет в качестве методов сопротивления «саботаж, диверсии, террор против партийных и советских

активистов» [Деглав, 1956, с. 27]. В. Г. Матин называет еще «срыв заготовок сельскохозяйственных продуктов, невыполнение планов посева, укрытие зерна ...» [Матин, 1956, с. 97]. Аналогичные методы борьбы кулаков с политикой коллективизации выделяются в «Истории Латвийской ССР», при этом впервые отмечается, что антиколхозное движение соединилось с буржуазно-националистическим движением [История Латвийской ССР, 1955, с. 533, 545].

Относительно характера проводимой коллективизации авторы труда утверждают, что принцип добровольности соблюдался и нарушения были единичными [Там же, с. 552]. Во всех работах данного периода ни количество «раскулаченных», ни меры, принимаемые к ним, ни нарушения властей не описаны.

В отношении темпов сплошной коллективизации М. А. Грегораускас считает, что форсированная коллективизация, проходившая в Литовской ССР, как и в других республиках Прибалтики, в 1949—1950-х годах, завершилась к январю 1951 года, когда 89,4 % крестьянских хозяйств были объединены в колхозы. Аналогичные данные приводит Ю. Ф. Деглав в Эстонской ССР: «к концу 1950 г. в колхозы объединилось 96 % крестьянских хозяйств» [Деглав, 1956, с. 27]. В «Истории коллективизации Латвийской ССР» говорится, что «в 1948 г. в колхозах было объединено около 10 процентов общего количества крестьянских хозяйств республики», а в 1949 темпы значительно ускорились, и «к концу 1949 г. в колхозах было объединено уже 93 % крестьянских хозяйств» [История Латвийской ССР, 1955, с. 549, 552]. Все авторы считают, что темпы резко увеличились в 1949 году в связи с появлением соответствующих предпосылок, и не пишут о принудительном характере коллективизации.

Говоря об итогах коллективизации, авторы «Истории Латвийской ССР» акцентируют внимание на ее успехах, в частности, на восстановлении и совершенствовании хозяйства. Впервые в этом коллективном труде упоминается о голоде 1946 года, затронувшем и прибалтийские республики. Причиной голода авторы считают неурожай и в основном описывают помощь, оказанную государством [Там же, с. 543]. В целом все авторы этого периода оценивают коллективизацию как закономерный процесс, а ее результаты как высокие и положительные.

Подводя итог этому периоду, необходимо отметить, что в 1940—1950-х годах в условиях победившего сталинского курса историческая наука развивалась в рамках официальной идеологии. Основные темы работ связаны с этапами и предпосылками коллективизации, которые оценены как достаточные для проведения сплошной коллективизации. Вопросы целей

и методов хотя и затрагиваются, но подаются тенденциозно, что снижает значимость полученных выводов. В своих исследованиях авторы опираются на круг достоверных, но весьма выборочных источников, исходящих от официальных органов власти и партийного руководства. Практически запрещенными остаются проблемы «раскулачивания» и нарушений при его проведении.

3. Советская историография коллективизации в Прибалтике 1960-е годы

В 1960-е годы политическая «оттепель» оказала влияние и на историческую науку [Кананерова, 2009, с. 130]. В частности, наблюдается эволюция тематики и оценок, более детально прорабатываются темы, намеченные в 1940—1950-е годы.

В публикациях 1960-х годов акцент смещается на рассмотрение послевоенной аграрной политики как предпосылки сплошной коллективизации и собственно на процесс сплошной коллективизации.

Предпосылки сплошной коллективизации: укрепление партийного аппарата и местных структурных подразделений, аграрную реформу, развитие кооперации, кредитование, налоговую политику, развитие МТС — в историографии 1960-х годов продолжают называть достаточными, но впервые проскальзывают мнения о недостаточном уровне развития производительных сил колхозов, то есть советские ученые понимали, что экономические предпосылки, несмотря на прилагаемые государством титанические усилия, не созрели. В автореферате кандидатской диссертации А. Руусманн пишет, что «1949—1950 годы в развитии эстонских колхозов четко попадают под понятие мануфактурный период <...> в Эстонии, к началу массового колхозного движения не было еще создано материально-технической базы для социалистического сельского хозяйства ...» [Руусманн, 1968, с. 49].

В 1960-е годы в работах, посвященных анализу каждой из предпосылок, появляются новые детали. В статье В. П. Янкенса, в которой более подробно рассматривается роль партии благодаря привлечению материалов партийного архива при ЦК КП Литвы, автор отмечает, что в послевоенные годы в условиях активизации антисоветских сил «партийные организации совместно с советскими создавали отряды народных защитников и вооруженные отряды, состоящие из партийного и советского актива. <...> Вооруженные отряды явились подлинной школой классовой борьбы...» [Янкенс, 1966, с. 23—24]. Наряду с пропагандой и агитацией В. П. Янкенс описывает и просветительскую работу, в том числе организацию изб-читален,

художественной самодеятельности, радиофикацию, которые формировали новый уклад жизни крестьян, преодолевая «индивидуализм, замкнутость, а с ними черствость и равнодушие». Кроме того, важным инструментом борьбы с антисоветскими силами он называет легализацию к апрелю 1946 года более 40 тыс. человек [Янкенс, 1966, с. 27]. Н. Г. Каротамм уделяет внимание созданию женских комиссий при партийных организациях, проделавших «большую работу по подготовке и проведению в республике коллективизации сельского хозяйства», а также по организации и проведению сельскохозяйственных выставок [Каротамм, 1963, с. 326, 329].

А. Руусманн углубляет рассмотрение проблемы формирования количества и качества партийных кадров в Эстонской ССР, считая, что проблема состояла не только в недостатке кадров, но и в их низкой подготовке, что ставило под угрозу выполнение агитационно-пропагандистской и организационной работы по развитию кооперативов и колхозов. «В результате неизбежной поспешности в подборе кадров, в составы уездных исполнительных комитетов попали и люди, не имевшие опыта работы и даже политически не благонадежные. Тщательный отбор кадров проходил как в 1945 и 1946 годах, так частично еще и в 1947 г. <...> Наряду с широким отбором проводилась учеба и воспитание кадров. Организовывались многочисленные курсы и семинары» [Руусманн, 1968, с. 7].

Н. Г. Каротамм детализирует проблему кооперации. «В 1947—1948 гг. почти 75 % крестьянских хозяйств Эстонской ССР было объединено в сельскохозяйственной кооперации. <...> В системе кооперации в 1948 г. имелось 986 предприятий: 207 молочных заводов, 410 сливочных пунктов, 171 мельница, 45 лесопилок, 16 пекарен, 5 консервных заводов, 19 колбасных производств, 38 ремонтных мастерских, 7 торфопредприятий, 42 пункта по первичной обработке льна, 26 прочих предприятий. На маслодельно-сыроваренные заводы кооперации поступало 96 % всего перерабатываемого в Эстонии молока» [Каротамм, 1963, с. 324].

Еще в 1950-х годах было установлено, что важнейшим инструментом целенаправленного развития кооперации было кредитование. В Эстонии, по данным Каротамма, «сельскохозяйственная кооперация республики получила за 1945—1948 гг. долгосрочный кредит в размере 12,5 млн руб.» [Там же]. А. Руусманн уточняет, что в основном кредитные средства шли на приобретение скота, а строительные займы при дефиците стройматериалов были незначительны [Руусманн, 1968, с. 14]. А. Руусманн в противоположность авторам «Истории Латвийской ССР», считающим, что кооперация в основном объединяла бедняцко-средняцкие хозяйства, впервые отмечает, что в 1945—1946 годах в кооперативы входили и кулаки и со-

ставляли около 10 % правлений новых кооперативов. «В ходе отчетно-выборных собраний 1947 года кулацко-зажиточный элемент был вытеснен полностью из правлений, а в 1948 г. они были исключены из товариществ» [Там же, с. 28]. Прообразами колхозов А. Руусманн называет «большие комплексные товарищества», которые имели маслобойни, тракторы, молотилки, использовали электричество и т. д.» [Там же, с. 27].

Развивая изучение налоговой политики как инструмента политики «ограничения и вытеснения» кулаков, А. Руусманн пишет: «в 1944 и 1955 гг. новоземельцы были полностью освобождены от госпоставок, а получившие прирезки, на 50 %». И далее: «В 1947 г. сельскохозяйственный налог на кулаков был установлен в 2 раза выше, чем на обычных крестьян». Он также приводит соотношение налогов на бедняков, середняков и кулаков, оценивая ее «в 1947 г. 54,6 % и в 1948 г. 149,2 %» от всех денежных доходов кулаков. «Сбор налогов с кулаков проводился очень строго. С 15 сентября по 31 декабря 1948 г. за задолженность сельскохозяйственного налога в суд был передан материал на 2652 кулака» [Там же, с. 15, 42—43].

Весьма интересен тот факт, что в работе А. Руусманна появляются критические оценки. Оценивая аграрную реформу, исследователь отмечает, что она «увеличила иллюзии об устойчивости и успешности мелкокрестьянского хозяйства» [Там же, с. 16]. Характеризуя эффективность МТС, он указывает, что при хуторском землеустройстве и установке в первую очередь на обслуживание бедняков и середняков работа тракторов становилась неэффективной и из-за холостого пробега [Там же, с. 31].

Для историографии 1960-х годов характерно большее внимание к темам кулачества и «раскулачивания», нарушений при проведении коллективизации и появления критических оценок. А. Руусманн считает, что чаще всего нарушался принцип добровольности. «Некоторые волостные исполнительные комитеты время от времени охватывал зуд администрирования и наказания...» [Там же, с. 9]. «Наряду с фактами неточного учета кулаков, наблюдались, и это было не так уж редко, случаи признания кулаком крестьянина, который фактически таковым не являлся» [Там же, с. 42].

Введение в оборот документов партийных архивов позволило А. Руусманну выявить, что критерием оценки хозяйства как кулацкого были лишь использование наемного труда и применение сложной сельскохозяйственной техники, а также сотрудничество с оккупантами [Там же, с. 40]. С его точки зрения, послевоенная аграрная реформа имела «выраженный политический характер — полное или почти полное отчуждение земли у всех врагов Советской власти, независимо от величины хозяйства и его социально-эконо-

мического характера» [Там же, с. 10]. Интересно его замечание о том, что «хозяйства размером менее 10 га были в большинстве бедняцкими, что одна треть хозяйств размером от 10 до 20 га также являлись бедняцкими» [Там же, с. 12]. Всего, по мнению А. Руусманна, в Эстонской ССР было 13 % кулаков накануне ВОВ, а затем их число неуклонно снижалось [Там же, с. 39].

Среди методов кулацкого сопротивления А. Руусманн впервые отмечает «фиктивные разделы, выделение новоземельцам худшей земли», «раздувание психологии индивидуализма» на этапе аграрной реформы и проникновение в колхозы для проведения подрывной работы на этапе сплошной коллективизации. Методы «раскулачивания» он, в отличие от авторов 1950-х годов, конкретизирует, выделяя экспроприацию и высылку за пределы республики [Там же, с. 11, 16, 44, 46—47]. О проникновении кулаков в колхозы упоминает и Каротамм [Каротамм, 1963, с. 327]. В. П. Янкенс указывает в качестве метода антисоветского сопротивления создание помех для участия населения в выборах [Янкенс, 1966, с. 29].

В оценке итогов коллективизации также появляются критические замечания на фоне общей положительной оценки. Н. Г. Каротамм пишет, что «многие МТС не стали еще настоящими опорными пунктами социалистического переустройства сельского хозяйства, не выполняют поставленной партией и правительством задачи добиться того, чтобы колхозы республики базировались на современной сельскохозяйственной технике» [Каротамм, 1963, с. 330], в то время как именно высокий уровень техники являлся, по официальным данным, фактором, который способствовал созданию колхозов. А. Руусманн считает, что уровень жизни крестьянина в колхозе не только не вырос, как утверждали исследователи 1950-х годов, но и снизился. «В среднем со всех сельхозартелей на трудодень выделялось соответственно в 1949 и 1950 гг.: денег 1,80 и 1,68 руб, зерна 3,75 и 2,27, картофеля 2 и 1,58 кг, сена 1,40 и 0,53 кг». В переводе на деньги «средняя оплата на трудодень в 1949 г. равнялась бы 23, а в 1950 г. примерно 14 руб.» [Руусманн, 1968, с. 53]. Возникает противоречие между критическими замечаниями об итогах и заявленными целями коллективизации в работах тех же авторов 1960-х годов (приведение нежизнеспособного мелкотоварного крестьянского хозяйства, в котором крестьяне продолжали бедствовать, к крупному механизированному производству, где исключена эксплуатация, а потребности колхозников удовлетворяются на высоком уровне) [Там же, с. 35]. Именно здесь зарождается кризис советской исторической парадигмы.

Наряду с малыми монографическими формами и коллективными трудами в 1960-е годы начинают издаваться документальные сборники, вводя-

щие в научный оборот документы государственных и партийных органов. В частности, «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам» содержат постановления, законы, пятилетние планы, определявшие коллективизацию в прибалтийских республиках [Решения..., 1968, с. 229, 246, 320]. Очень интересен сборник «20 лет советской власти», содержащий богатый статистический материал по развитию народного хозяйства в прибалтийских советских республиках [20 лет ..., 1960].

Особого внимания заслуживает 36-томное документальное издание «История коллективизации сельского хозяйства СССР» [История коллективизации..., 1961—1989]. Основными видами публикуемых документов в этой работе стали постановления, доклады, резолюции, отчеты, свидетельства с мест. В рамках данной серии были опубликованы документы о коллективизации сельского хозяйства в республиках Прибалтики. При этом, как мы уже отмечали ранее, «недостатком этого издания является очень слабое и одностороннее представление материалов, исходящих из крестьянской среды, ограниченных лишь заявлениями о вступлении в колхозы, протоколами и постановлениями собраний активов бедноты и колхозников, отчетами коммун» [Кананерова, 2009, с. 127—128]

4. Заключение

Подводя итоги, отметим, что изучение историографии коллективизации Прибалтики в 1940—1960-е годы позволяет проследить эволюцию и первые критические ростки, появившиеся в советской исторической парадигме. Основным фактором развития исторической науки в 1940—1960-е годы стало изменение политической обстановки в стране. Ее изучение позволит выявить корни изменений исторической науки в последующие периоды.

Несмотря на то, что советская историография существовала в строгих идеологических рамках, к достижениям развития историографии коллективизации в Прибалтике в 1940—1960-е годы можно отнести глубокое изучение проблем темпов коллективизации, роли партии в политике коллективизации, методологии проведения коллективизации, ее предпосылок и особенностей. В силу идеологических запретов, существовавших в рамках советской исторической парадигмы, проблемы «раскулачивания», его методов и итогов, крестьянского сопротивления, а также истинных целей и итогов коллективизации остались не изученными.

Однако фундамент, заложенный историками в 1960-е годы, позволил расширить тематику в 1970-е годы. Зародившиеся благодаря «оттепели» сомнения в непогрешимости установок советской исторической парадиг-

мы породили в 1980-е годы новое историческое знание, способствовали впоследствии формированию научных школ.

Источники и принятые сокращения

1. ПА ИИП при ЦК КП Латвии, Литвы, Эстонии — *Партийный архив Института истории партии при Центральном Комитете Коммунистической партии Латвии, Литвы, Эстонии.*
2. ЦГАОР ЭССР — *Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления Эстонской советской социалистической республики.*
3. ЦГА Литовской ССР — *Центральный государственный архив Литовской ССР.*
4. АМСХ Литовской ССР — *Архив министерства сельского хозяйства Литвы.*
5. ЦГАНХ СССР — *Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.*

Литература

1. *Грегораускас М. А.* История и особенности социалистического преобразования сельского хозяйства Литовской ССР / М. А. Грегораускас // К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. — Таллин : [б. и.], 1956. — С. 73—93.
2. *Деглав Ф. Ю.* Основные черты и особенности переходного периода от капитализма к социализму в Латвийской ССР / Ф. Ю. Деглав // К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1956. — С. 18—27.
3. *История коллективизации сельского хозяйства СССР : документы и материалы : в 36 томах /* Главное архивное управление при Совете Министров СССР и др. — Ленинград, Куйбышев, Алма-Ата и др., 1961—1989. — Т. 1—36.
4. *История Латвийской ССР.* — Рига : Издательство АН Латвийской ССР, 1955. — 751 с.
5. *Кананерова Е. Н.* К вопросу об основных этапах и направлениях развития советской аграрной историографии / Е. Н. Кананерова // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2009. — № 1 (48). — С. 127—131.
6. *Кананерова Е. Н.* Международные публикаторские проекты по аграрной истории России кнца XX — начала XXI вв. : российские руководители и участники / Е. Н. Кананерова // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2010. — № 2 (50). — С. 83—90.
7. *Кананерова Е. Н.* Проблема коллективизации и «раскулачивания» в отечественной историографии / Е. Н. Кананерова // Вестник Екатеринбургского института. — 2018. — № 1 (41). — С. 90—99.
8. *Каротамм В. Г.* Коллективизация сельского хозяйства в Эстонской ССР / Е. Н. Кананерова // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. — Москва : Издательство АН СССР, 1963. — С. 323—334.
9. *Крастьинь Я.* Некоторые итоги земельной реформы в Прибалтике / Я. Крастьинь // Социалистическое сельское хозяйство. — 1941. — № 1. — С. 45—61.

10. *Матин В. Г.* Об особенностях коллективизации сельского хозяйства в Эстонской ССР / В. Г. Матин // К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. — Таллин : Эстонское государственное издательство, 1956. — С. 94—107.
11. *Нюнка В. Ю.* Борьба Коммунистической партии Литвы за укрепление союза рабочего класса с крестьянством переходный период от капитализма к социализму / В. Ю. Нюнка // Коммунист. — 1955. — № 3. — С. 12—16.
12. *Палецкис Ю.* Советская Литва / Ю. Палецкис. — Москва : [б. и.], 1949. — 243 с.
13. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.* — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 3. — 567 с.
14. *Руусман А.* Восстановление и коллективизация сельского хозяйства в Эстонской ССР в 1944—1950 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А. Руусман. — Таллин, 1968. — 63 с.
15. *Трайнин И.* Конституции прибалтийских республик / И. Трайнин // Большевик. — 1940. — № 22. — С. 59—68.
16. *Якенс В. П.* Деятельность сельских партийных организаций по повышению политической активности трудящихся в ходе укрепления Советской власти в Литве / В. П. Якенс // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия. История. Язык, литература. — 1966. — Выпуск 1, № 2. — С. 22—31.
17. *20 лет Советской Литвы* : статистический сборник. — Вильнюс : [б. и.], 1960. — 238 с.

Problem of Collectivization in Baltic Republics in Soviet Historiography of 1940—1960

© **Elena N. Kananerova** (2019), orcid.org/0000-0002-6218-2618, SPIN-code 7828-6603, PhD in History, associate professor, Department of Philosophy and History, Moscow University of Industry and Finance “Synergy” (Moscow, Russia), ekananerova@yandex.ru.

The article highlights the achievements of the Soviet historical science of 1940—1960 in the study of the problem of collectivization in the Baltic republics. The novelty of the study lies in the fact that the author for the first time made a review of Soviet historical literature on collectivization in the Baltic republics, in terms of modern scientific positions. The author considers the Soviet historical paradigm, identifies the factors of its formation, erosion and crisis in 1970—1980, which leads to the reconstruction of scientific schools, including national ones, in 1990—2000. The relevance of the study is linked, on the one hand, with the understanding of the experience of the development of historical science and the way it passed in the 20th century, on the other — with the need at the present stage to study collectivization in the Western republics and regions after the Great Patriotic war in regard to the growing contradictions in the post-Soviet space, the breeding ground for which is the tendentious use of facts from the history of the USSR. The analysis reveals the achievements of the Soviet historical science of 1940—1960 (distinguishing stages, factors and methods of collectivization) and poorly studied problems (purpose of collectivization, methods and scale of peasant resistance, number and fate

of dispossessed, presence and nature of violations during the continuous collectivization and “dekulakization”).

Key words: historiography; scientific school; agrarian reform; collectivization; “dekulakization”; cooperation; kulaks; peasant resistance.

Material resources

AMSKh Litovskoy SSR — *Arkhiv ministerstva selskogo khozyaystva Litvy*. (In Russ.).
PA IIP pri TsK KP Latvii, Litvy, Estonii — *Partynyy arkhiv Instituta istorii partii pri Tsentralnom Komitete Kommunisticheskoy partii Latvii, Litvy, Estonii*. (In Russ.).

TsGA Litovskoy SSR — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Litovskoy SSR*. (In Russ.).
TsGANKh SSSR — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv narodnogo khozyaystva SSSR*. (In Russ.).

TsGAOR ESSR — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Oktyabrskoy revolyutsii, vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti i organov gosudarstvennogo upravleniya Estonskoy sovetskoy sotsialisticheskoy respubliki*. (In Russ.).

References

- Deglav, F. Yu. (1956). Osnovnyye cherty i osobennosti perekhodnogo perioda ot kapitalizma k sotsializmu v Latviyskoy SSR. In: *K voprosu ob istorii narodnogo khozyaystva Pribaltiki*. Tallin: Estonskoye gosudarstvennoye izdatelstvo. 18—27. (In Russ.).
- Gregorauskas, M. A. (1956). Istoriya i osobennosti sotsialisticheskogo preobrazovaniya selskogo khozyaystva Litovskoy SSR. In: *K voprosu ob istorii narodnogo khozyaystva Pribaltiki*. Tallin: [b. i.]. 73—93. (In Russ.).
- Istoriya kollektivizatsii selskogo khozyaystva SSSR: dokumenty i materialy*. (1961—1989). Leningrad, Kuybyshev, Alma-Ata et al. 1—36.
- Istoriya Latviyskoy SSR*. (1955). Riga: Izdatelstvo AN Latviyskoy SSR. (In Russ.).
- Kananerova, E. N. (2009). K voprosu ob osnovnykh etapakh i napravleniyakh razvitiya sovetskoy agrarnoy istoriografii. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 1 (48): 127—131. (In Russ.).
- Kananerova, E. N. (2010). Mezhdunarodnyye publikatorskiye proekty po agrarnoy istorii Rossii knsta XX — nachala XXI vv.: rossiyskiye rukovoditeli i uchastniki. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2 (50): 83—90. (In Russ.).
- Kananerova, E. N. (2018). Problema kollektivizatsii i «raskulachivaniya» v otechestvennoy istoriografii. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 1 (41): 90—99. (In Russ.).
- Karotamm, V. G. (1963). Kollektivizatsiya selskogo khozyaystva v Estonskoy SSR. In: *Istoriya sovetskogo krestyanyanstva i kolkhoznogo stroitelstva v SSSR*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 323—334. (In Russ.).
- Krastyń, Ya. (1941). Nekotoryye itogi zemelnoy reformy v Pribaltike. *Sotsialisticheskoye selskoye khozyaystvo*, 1: 45—61. (In Russ.).

- Matin, V. G. (1956). Ob osobennostyakh kollektivizatsii selskogo khozyaystva v Estonskoy SSR. In: *K voprosu ob istorii narodnogo khozyaystva Pribaltiki*. Tallin: Estonskoye gosudarstvennoye izdatelstvo. 94—107. (In Russ.).
- Nyunka, V. Yu. (1955). Borba Kommunisticheskoy partii Litvy za ukrepleniye soyuza rabocheho klassa s krestyanyanstvom perekhodnyy period ot kapitalizma k sotsializmu. *Kommunist*, 3: 12—16. (In Russ.).
- Paletskis, Yu. (1949). *Sovetskaya Litva*. Moskva: [b. i.]. (In Russ.).
- Resheniya partii i pravitelstva po khozyaystvennym voprosam*, 3. (1968). Moskva: Politizdat.
- Ruusman, A. (1968). *Vosstanovleniye i kollektivizatsiya selskogo khozyaystvav Estonskoy SSR v 1944—1950 gg.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk*. Tallin. (In Russ.).
- Traynin, I. (1940). Konstitutsii pribaltiyskikh respublik. *Bolshevik*, 22: 59—68. (In Russ.).
- Yakens, V. P. Deyatelnost' selskikh partiynykh organizatsiy po povysheniyu politicheskoy aktivnosti trudyashchikhsya v khode ukrepleniya Sovetskoy vlasti v Litve. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya. Yazyk, literatura*, 1 (2): 22—31. (In Russ.).